

БУНИН О ЕСЕНИНЕ И САМОРОДКАХ

В четверговых номерах парижской газеты «Возрождение» довольно часто появляются критико-литературные статьи, подписанные Ив. Буниным. Обычный тон их отменно груб и самоуверен. Общественное мнение эмиграции почти всегда подобострастно молчит по поводу писаний критика Бунина, и только изредка раздаются робкие верно подданические протесты (напр., открытое письмо М. Гофмана в «Последних Новостях»).

Марк Слоним в «Воле России» очень едко высмеял престолодержателя русской литературы и этим навлек на себя не мало грозных нареканий. Настоящая заметка служит некоторым новым вкладом в историю добрых нравов эмигрантской писательской среды.

В номере 800 «Возрождения» от 11-го августа, напечатана одна из очередных статей Бунина «Самородки». Эта статья, редкая по грубости даже и для Бунина, посвящена покойному Сергею Есенину, чья страшная смерть еще памятна всем. Мы не собираемся спорить с Буниным о том, поэт ли Есенин. Есенин для Бунина: «хам», «хулиган», «жулик», «острожник», «дикарь», «полотер», «маляр», «друг-друг-приятель и собутыльник чекистов» (таков обычный словарь академика, дворянина Бунина), лирика Есенина «писарская». Для подкрепления своих поэтических наблюдений Бунин приводит анекдот, которым любезно поделился на страницах «Современных Записок» В. Ходасевич, анекдот о способе Есенина обольщать девиц предложением повести их посмотреть на расстрелы в Че-ка. И в то-же время для Бунина фельетонист Дон-Аминадо — «удивительный талант», «что ни слово, то золото» (во истину золотой самородок!). Но не в этом дело — важно то, что Бунин в своей статье приводит такие грязенькие, неизвестно откуда им взятые, фактики из жизни Есенина, что, право, становится вчуже стыдно перед памятью поэта Есенина за поэта Бунина. В одном месте Бунин пишет: Есенин «наряжался в шелковое белье на счет американской старухи, мордуя ее чем попадя и где попало». Так позволяет себе Бунин оскорблять женщину и артистку. Нам вспоминаются слова Пушкина: «Приятельское ли дело вывешивать на показ мокрые мои простыни? Бог тебя простит! но ты осрамил меня», сказанное по

совсем невинному поводу в письме к Бестужеву. Что же сказать нам перед небывалым зрелищем, как академик Бунин копается в шелковом белье «хама и жулика» Есенина, выяснив тонким анализом на чей счет оно было шито. Если бы задачей русской критики было бы выяснение, кто из писателей сколько раз и в каком возрасте изменял своей жене и кто на чей счет шьет себе белье, то такую критику следовало бы посадить в те «кабаки и полицейские участки», о которых упоминает Бунин.

Бунин ругает Есенина за то, что он поносил Россию и «вообще по всему свету позорил русское имя». Бунин сокрушается, что «нам наше десятилетнее пребывание в Европе не помогло и нас опять тянет на сиволдай». А сам, в то же время, сидя в Европе, такое извлекает из жизни русских писателей, о чем и в России стыдно было бы писать. Не удивительно, что он поносит Есенина, но он не щадит и старых писателей, если они из разночинцев. Кому интересно знать, что Н. Успенский «заставлял свою несчастную дочь плясать под гармонику и приговаривать всякую похабщину», что он «брал ее, как щенка, за шиворот и, на забаву мужикам, бросал в реку, в пруд». Кому интересно знать, чем Левитов отплатил своему «спасителю» за гостеприимство и в каком виде оставил шелковую мебель в гостиной. (Тем более, что это не факты, а только свидетельства некоей пощады, с которой, по словам Бунина, жил Успенский и некоего «спасителя», который «сто раз» пытался спасти Левитова). Бунин, носитель русской культуры, через каждые два слова повторяющий: русская культура, русская музыка, русская литература, Бунин, который говорит, что босяки Горького (надо было бы добавить: «в смычке» с героями бунинской «Деревни»), «перед которыми мы 20 лет надрывались от восторга», превратившись в большевиков, «на весь мир опозорили Россию», — сам того не замечая, позорит ее еще больше.

Столько мерзостей написано за последнее время — советскими об эмигрантских и эмигрантскими о советских писателях, что порою страшно становится. Когда это кончится, господа!

Что же по существу представляет собою статья Бунина «Самородки»? Трудно себе представить как поверхностно и легкомысленно судит Бунин о самых трагических и глубоких явлениях русской жизни и культуры. Не верится, что об этом и так говорит русский писатель. Такого непонимания самых основных черт русской души не проявлял ни один из иностранных авторов «развесистой клюквы». Бунин, (приписывая, кстати сказать, эти слова Чехову) с высоты своего дворянского достоинства, заявляет: «это все от некультурности. Державин, Пушкин, Лермонтов, Тургенев и все прочие, подобные им, не пьянствовали и не надрывались, А вот как пошли разночинцы, все эти Левитовы, Нефедовы, Оммулевские, так и пошла писать губерния»... Так значит все эти «надрывы», все эти, «пишущие, протестующие, мятущиеся души» (как иронически замечает Бунин) пошли от разночинства. Ну а что же надрыв Лермонтова, Гоголя, художника Иванова, сумасшест-

вие Батюшкова, Озерова, смерть Глеба Успенского, — это тоже все от различия и «сиволдая»? Превращая в кабацкий пасквиль самую основную трагедию русских писателей, Бунин, кроме всего, в каждом своем утверждении и просто исторически, а иногда и этически неправ. Бунин не видит что все эти «надрывы» и пьянства были зачастую только выходом из тисков тяжелой русской и вообще человеческой жизни. Говоря шире, эти явления не чужды и всей истории всемирной литературы. Имена Виллона, Раблэ, Верлэна, Бодлэра, Уайльда и пр. должны сказать многое. Останавливаясь перед богохульством различинцев Есенина и пр., как перед новым литературным явлением, Бунин забывает, что оно было не чуждо, как всякой молодости и дерзанию, многим вышедшим из дворянского сословия («гармонический» и «уравновешенный» Пушкин с его «Гаврилиадой»).

Подобными «опечатками» полны все статьи критика Бунина. В заключение нам вспоминается печатное заявление Бунина о своем отношении к новой орфографии, которую он не может выносить, т. к. по ней пишется современная русская, для Бунина, заборная, литература и декреты большевицкого правительства. Но мы прекрасно знаем, что Бунин считает возможным писать по орфографии, на которой писались та же «Гаврилиада» Пушкина, «Яма» Куприна, «Деревня» Бунина, а также купчие о продаже крестьян или же дела охраны.

А. Ч.